

Александрович, С. С. Деятельность русской гражданской администрации в Восточной Румелии (июнь 1878 — июнь 1879 гг.) / С. С. Александрович // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 107–113.

С. С. Александрович

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ РУМЕЛИИ (июнь 1878 — июнь 1879 гг.)

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. завершилась освобождением Болгарии от османского ига. На болгарских землях установилась временная власть русского гражданского управления (администрации). Срок деятельности русской администрации Сан-Стефанский мирный договор определял двумя годами. Берлинский трактат 1 июня 1878 г. изменил характер и условия деятельности русского гражданского управления в Южной Болгарии. Сама область изменила название. Появился искусственный политико-географический термин «Восточная Румелия». Область отходила к Турции с определенными автономными правами. Срок пребывания гражданского управления и русских войск в Восточной Румелии ограничивался 9 месяцами [1, с. 201]. В своих действиях русское управление оказалось скованным многими статьями трактата. Для проведения российской политики и продолжения начатых реформ в этом регионе, гражданской администрации пришлось пойти на перестройку своей деятельности. Если на первом этапе (до Берлинского трактата) русская администрация в Южной Болгарии проводила преобразования, единые с северными территориями, то на втором этапе деятельность русских властей в Восточной Румелии проходила автономно от центра. Преобразования второго этапа качественным образом отличались от реформ в Южной Болгарии первого периода. До Берлинского трактата русское управление занималось в Южной Болгарии почтовым, финансовым, военным, полицейским, судебным, школьным и церковным обустройством, решением аграрного вопроса, расселением беженцев. После Берлинского трактата деятельность русской администрации в Восточной Румелии было направлено на ликвидацию пограничных конфликтов и мусульманских мятежей. Из старых реформ сохранились обустройство беженцев и решение аграрного вопроса, хотя вторая реформа обрела несколько иную сущность. Преобразования стали носить негласный, завуалированный характер, чтобы формально не нарушать положения Берлинского трактата.

Аграрная политика. Точка зрения русского правительства на турецкое землевладение в Болгарии не изменилась и во время заключения Берлинского трактата. Статья XII трактата воспроизводила статью XI Сан-Стефанского договора. Мусульмане сохраняли право владения землями в Болгарии. Берлинский трактат спровоцировал претензии Турции на земельный фонд Болгарии. Реставрация турецкого господства в Восточной Румелии вырисовывалась все более очевидно. Русский императорский комиссар в Болгарии Дондуков-Корсаков после подписания Берлинского договора предупредил МИД России о возможных претензиях Порты не только на земли турецких помещиков и крестьян, но и на всю территорию Болгарии, или как определил Берлинский трактат, государственные земли Порты в Болгарии [1, с. 204].

Александрович Сергей Сергеевич — доцент кафедры истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук

Императорский комиссар высказал свои сомнения по статье XII Берлинского договора: «...что понимает она [Турция] под имуществами государственными?» [2, с. 283]. И сам дал ответ, что Турция будет расшифровывать понятие государственных земель на основании земельного закона 21 апреля 1858 г. По закону частными землями являлись мюльки — земли под частными постройками и приусадебные участки. Остальные земли в Османской империи считались мирийскими, т. е. государственными, отданными в пользование частным лицам на основе документов — тапий [2, с. 284]. «Если турецкое правительство,— предположил Дондуков-Корсаков, — земли государственные, упоминаемые в статье XII трактата, будет понимать в смысле закона 21 апреля 1858 г., то Болгарское княжество лишится главного источника доходов» [2, с. 284]. В Болгарии « ... останется собственник — Турция, которая будет влиять на экономическое, политическое и моральное развитие народа» [2, с. 284—285]. Статья VIII Берлинского договора оставляла в силе соглашения Порты с иностранными державами о предоставлении иностранцам права приобретения недвижимости в Турции наравне с турецкими подданными. «Если бы Порта продала и государственные и вакуфные земли Англии,— писал Дондуков-Корсаков,— в каком положении было бы будущее Болгарское княжество?» [2, с. 288]. В такой ситуации, боясь турецкого проникновения в Болгарию, русская администрация предложила безвозмездную передачу всех государственных земель болгарскому государству: «Вопрос этот должен быть разрешен в пользу Болгарского княжества, которое должно сделаться собственником всех государственных земель Турции в Болгарии» [2, с. 287]. Деньги за землю предлагалось давать только владельцам мюльков. Выполнение предложений русской власти означало бы национализацию земельного фонда Болгарского княжества. МИД России скептически отнесся к предложениям Дондукова-Корсакова. В «Возражениях на замечания князя Дондукова-Корсакова» Азиатский департамент МИД России не рассматривал понятие государственных земель согласно закона 1858 г. МИД указывал, что под этим термином «разумелось понятие о государственном имуществе с европейской точки зрения» [2, с. 294].

Вскоре, оставляя Шумлу и Варну, турки продемонстрировали свое понятие государственного имущества именно в том смысле, каком предполагал Дондуков-Корсаков. Турки объявили об аренде и продаже казарм и земель в этих городах. Гражданское управление объявило сделки недействительными. МИД России признал правоту Дондукова-Корсакова и дал согласие на его предложение об огосударствлении турецких земель в Болгарии. Болгарские земли, считавшиеся Портой государственными по закону 21 апреля 1858 г., стали собственностью болгарского государства. Русская администрация запретила продажу турецких наделов в Болгарии. Разрешалось сдавать эти земли в аренду. Примечательно, что речь идет о периоде с лета 1878 — по весну 1879 г., когда шло не бегство турок, а их выселение из Болгарии. Таким образом, русское гражданское управление рассматривало земельный фонд Болгарии как собственность болгарского государства [3, с. 203].

Русская администрация отстаивала весь земельный фонд Болгарии как княжества, так и Восточной Румелии. Специфической проблемой последней был наплыв на ее территории турецких беженцев. После Берлинского конгресса Англия, Австро-Венгрия и Германия настаивали на допуске в Болгарию турок, и на возврате им собственности. Российское правительство усмотрело в этом антирусский акцент. Уве

личение турок в Восточной Румелии укрепило бы там позиции Османской империи. «Настойчивость, с которой требуют возвращения в Румелию беженцев или, мусульманского наплыва, среди которого появится масса турок, не скрывает ли желания при устройстве Румелии усилить мусульманский элемент против

преобладающего здесь христианского племени?» — замечал Дондуков-Корсаков [2, с. 190]. Возможность возврата турок с негодованием и страхом восприняли болгары. Это стало официальной причиной, по которой русские власти отказали туркам возврате их земель. Политика русской администрации по отношению к турецким беженцам предполагала: препятствовать возвращению турок в Болгарию; не отдавать возвратившимся туркам их бывшее имущество.

Эти тенденции политики русских властей отразились в одном из важных документов — в постановлении Совета императорского российского комиссара от 2 августа 1878 г., т. н. «Журнальном постановлении». Постановление означало разрыв с решениями Сан-Стефанского и Берлинского договоров. Оно изменило условия возвращения турецких беженцев, передачи им собственности. Формально постановление запрещало возвращение черкесов, а остальным беженцам возвращение разрешалось. Реально было объявлено, что мусульмане, участвовавшие в убийстве, разбое, поджогах, разорении населенных пунктов и изнасилованиях, будут арестованы и преданы военному суду. До «Журнального постановления» возвращением имущества туркам ведали болгаро-турецкие комиссии. Постановление передало эти вопросы судам. Вернувшийся турецкий владелец был обязан доказать в суде свои права на землю [2, с. 314]. «Что же касается недвижимого имущества, — отмечал И. Иванов, губернатор Сливенского, затем Русцукского санджаков, — принадлежащего туркам, то оно возвращалось им только по представлении документальных доказательств о его принадлежности, как, например, мельницы, поместья с постройками, виноградные сады, дома и прочее. Возвращение этого имущества представляло немало затруднений потому, что турки владели недвижимыми имуществами без всяких документов, и когда пришлось разбирать процесс, то оказывалось, что эти имущества были захвачены у болгар» [4, с. 189—190]. Постановление положило начало официальной конфискации турецких земель в Болгарии. Конфискованные земли раздавались болгарским беженцам. После Берлинского конгресса в Болгарию хлынул поток беженцев из Македонии и Фракии, оставшихся под властью осман. На родину прибыли эмигранты из Румынии, Австро-Венгии, России, Сербии и других стран. Распределением земли занимались местные органы самоуправления (окружные комитеты) и русское гражданское управление. В основном землей наделяли болгарских беженцев из Македонии и Фракии, в меньшей степени беженцев из районов Болгарии. Деятельность русской администрации в Болгарии по земельному вопросу получила критику европейских государств, особенно Великобритании. Английский посол в Стамбуле пытался оспорить у русской администрации право конфисковывать турецкие земли в Болгарии. Англичане предлагали создание комиссий для урегулирования аграрной проблемы, куда бы входили по одному русскому и турецкому представителю и английский, австрийский, германский, французский и итальянский консулы. Создание комиссий было отклонено русским правительством, т. к. их деятельность была бы направлена на реставрацию турецкого землевладения в Болгарии [3, с. 205]. Следовательно, деятельность русской администрации в Восточ

ной Румелии по аграрному вопросу шла вразрез со ст. XI Сан-Стефанского и ст. XII Берлинского договоров. Решение аграрного вопроса в Восточной Румелии, с подачи русского гражданского управления, происходило в четырех формах: 1) захват земель турок болгарскими крестьянами; 2) ликвидация всяких форм личной и поземельной зависимости болгар от турецких землевладельцев; 3) огосударствление части турецких казенных земель; 4) раздача гражданской администрацией турецких земель болгарским беженцам и местным крестьянам.

Решение пограничных конфликтов и предотвращение мусульманских мятежей в Восточной Румелии. Русская администрация участвовала в разрешении конфликтов на границах Восточной Румелии. Здесь зимой 1878 г. скопились десятки тысяч солдат и офицеров разбитой турецкой армии, башибузуков и черкесов. С конца февраля 1878 г. они начали нападать на болгарскую территорию. Их действия поддержало турецкое правительство. Турки требовали возвращения мусульманских беженцев в Восточную Румелию, наделения их землей, возвращения им поместий, создания турецкой администрации и полиции. Требования турок поддержала Великобритания, стремившаяся ослабить влияние русских в регионе. С одобрения англичан была создана т. н. «национальная армия Родопа» из турок и черкесов с задачей вытеснить русских и болгар из южных районов Восточной Румелии [3, с. 84].

Гражданская администрация края и русская армия не смогли мирно урегулировать конфликт. Против турок и черкесов были отправлены воинские части и болгарское ополчение. Объединенные силы отгнали турок за демаркационную линию. Для решения проблемы турецких нападений на Восточную Румелию Берлинским конгрессом была создана международная комиссия из представителей европейских держав, куда вошел и русский делегат. Перед комиссией стояла задача разработать проект устройства турецких беженцев, скопившихся в Родопях. Среди членов комиссии было много англичан, поэтому ее работа носила антирусский и антиболгарский характер, на что указывал русский посол в Стамбуле Лобанов-Ростовский императорскому комиссару Болгарии Дондукову-Корсакову: «Вы не должны заблуждаться относительно чувства, побудившее конгресс послать Европейскую комиссию в Родоп; это чувство недоброжелательное к нам; если его освободить от филантропических фраз, то мы увидим, что оно заключается в желании предъявить нам обвинительный акт» [2, с. 159—160]. Местом работы комиссии была избрана столица Восточной Румелии, г. Пловдив. Целью комиссии было возвращение в Румелию турецких беженцев, усиление турецкого влияния в крае [2, с. 86].

Русское гражданское управление Восточной Румелии не возражало против возвращения турок на их земли, но только тех, которые не совершили преступлений против болгар. Английские члены комиссии предложили объявить от имени европейских держав амнистию туркам, участвовавшим в злодеяниях в Болгарии. Русские власти возражали, считая, что против амнистии выступают болгары. Гражданская администрация предупредила комиссию, что лица, совершившие преступления, на болгарской территории будут осуждены. Турецкие беженцы, не запятанные преступлениями, могли вернуться в Болгарию в случае предоставления Турцией денег для восстановления болгарских городов и сел [2, с. 86]. Таким образом, все попытки Порты и Англии вернуть в Болгарию турецких беженцев были пресечены русским гражданским управлением. Некоторое число турецких крестьян, не участвовавших в преступлении

ях против болгар, вернулось в Восточную Румелию. Дондуков-Корсаков доносил 12 июля 1878 г. русскому послу в Константинополе, что из Родоп прибыло 500 турецких крестьян, о которых «болгары удостоверяют, что они не принимали участия в убийствах и волнениях» [2, с. 167—168]. За один день в Болгарию прибывало около 30 турецких семейств [2, с. 168]. На 28 июля 1878 г. из Родоп возвратилось около 10 тыс. крестьян, а на 1 декабря 1878 г. в Пловдивский санджак вернулось 18754 турецких крестьян и горожан, а в Сливенский — 5630 человек. Русский представитель в европейской комиссии лично объехал турецкие селения в Родопях и беседовал с турецкими крестьянами об их возвращении в Болгарию [3, с. 88].

Русским гражданским управлением в Восточной Румелии издало постановление, по которому турки, участники преступлений в Болгарии, при появлении их на болгарских землях, предавались суду.

Примечательно, что два турецких помещика не побоялись этого постановления, или же не знали о нем, и вернулись в Пловдив. Как преступников, их приговорили к смертной казни. Вмешательство западных стран спасло турок. Помещиков выслали из Болгарии. Для остальных турок это стало уроком. Поток мусульман в Болгарию сократился.

Турецким правительством готовились вооруженные восстания мусульман на территории Восточной Румелии. Центрами мятежа были намечены два района со значительным процентом мусульманского населения: Айдосский и Бургасский округа Сливенского санджака. Цель мятежа заключалась в том, чтобы по уходу русских войск поднять восстание мусульман Болгарии и вернуть болгарские земли Порте. При неудаче мятежа планировалось опустошить Болгарию и уйти в Турцию. Мятеж должен был начаться после вывода из Болгарии русских войск и занятия границы между княжеством и Восточной Румелией турецкими гарнизонами. Следовательно, русская армия и русская администрация была своеобразным гарантом мира в Восточной Румелии. До вывода войск России из Болгарии турки так и не подняли мятежей. Восстания начались сразу после вывода российской армии: в июне 1879 г. и в начале 1880 г. Мусульманские выступления были подавлены болгарскими вооруженными отрядами [3, с. 99].

Таким образом, политика русского гражданского управления в Восточной Румелии после Берлинского конгресса была направлена на то, чтобы, не нарушая постановлений Берлинского трактата, сделать зависимость Южной Болгарии от Турции номинальной, не допустить разрыва экономических, политических и культурных связей между двумя частями Болгарии, создать условия для воссоединения страны. России для сохранения и расширения своих позиций на Балканах была нужна целостная и независимая Болгария.

Разработка и принятие Органического устава Восточной Румелии. В октябре 1878 г. в Пловдив из Стамбула прибыла Европейская комиссия, которая должна была за три месяца выработать Органический статут автономной области и принять от русского гражданского управления заведование финансами Восточной Румелии. В состав комиссии от России вошли полковник Шепелев и князь Церетелев. Перед ними российское правительство поставило задачу добиться для Восточной Румелии максимальной самостоятельности и поддержать при разработке Органического статута те постановления, которые были бы направлены на сохранение единства области с Северной Болгарией. По прибытию в Пловдив, Европейская

комиссия сразу же попыталась поставить под свой контроль румелийские финансы. Директором финансов Восточной Румелии комиссия назначила немца Шмидта. Шмидт сразу же развернул ревизию казначейства Восточной Румелии. Появление директора финансов в Пловдиве, Новой Загоре, Сливене и других городах Южной Болгарии вызвало демонстрации протеста населения, которое считало Шмидта турецким чиновником. Ревизия казначейства была сорвана [5, с. 52—53].

В апреле 1879 г. Европейская комиссия закончила выработку документа. 14 апреля 1879 г. турецкий султан утвердил Органический статут Восточной Румелии. Документ состоял из 15 глав и 495 статей, содержащих основные законы области. По предложению русской администрации Статут был приближен к Органическому уставу Северной Болгарии. Документ подтверждал положения Берлинского трактата [6, с. 369—370]. Восточная Румелия объявлялась автономной провинцией в составе Турции. Там действовали турецкие законы и размещались турецкие войска. Восточная Румелия не имела права самостоятельных сношений с иностранными государствами. Провинция сама решала административные вопросы, издавала свои местные нормативные акты. Восточная Румелия делилась на 6 департаментов и 28 кантонов. Департаменты возглавляли назначаемые главным управляющим префекты, за их деятельностью

следили главные советы — представительные органы с членами по выбору, по назначению и по должности. Во главе кантонов стояли выборные мэры. В городах действовали городские советы. Судебная власть находилась под контролем центральной администрации. Судьи назначались и смещались губернатором. Столицей Восточной Румелии стал г. Пловдив. Официальными языками области признавались турецкий, болгарский и греческий. Именно русские представители Европейской комиссии добились признания болгарского языка государственным языком Восточной Румелии, наравне с турецким и греческим языками. По настоянию России органы местного самоуправления Восточной Румелии обязывались использовать язык большинства подчиненного им населения. Рабочим языком области повсеместно стал болгарский. Во главе Восточной Румелии назначался генерал-губернатор из христиан, назначаемый на 5 лет султаном с согласия великих европейских держав, подписавших Берлинский трактат. Генерал-губернатор сосредотачивал в своих руках всю исполнительную власть в области [6, с. 369—372].

Пост губернатора-христианина давал России возможность влиять на события в Восточной Румелии. Первым генерал-губернатором Восточной Румелии был князь Александр Богориди (полуболгарин-полугрек), по-турецки Алеко-паша, много лет занимавший высокие посты в турецкой администрации Болгарии. До назначения в Восточную Румелию он был послом Турции в Вене. В мае 1879 г. Богориди прибыл в Пловдив, пообещав проводить в Восточной Румелии проболгарскую политику. Исполнительная власть генерал-губернатора ограничивалась однопалатным парламентом — Областным собранием. Оно состояло из 10 депутатов по праву (пожизненных), 36 депутатов, избранных населением, и 10 депутатов, назначаемых генерал-губернатором. Законы, принятые Областным собранием, подлежали утверждению султаном. Распорядительные функции исполнял Постоянный комитет Областного собрания. Комитет, в количестве 10 человек, избирался Областным собранием из числа своих членов. Комитет рассматривал указы султана, и они имели силу на территории Восточной Румелии только при согласии большинства членов комитета.

Правительство (Дирректория) Восточной Румелии назначалось генерал-губернатором и утверждалось султаном. Оно состояло из 7 человек — генерал-губернатора (премьер-министр) и 6 членов: директоров внутренней политики, правосудия, финансов, торговли, народного просвещения, начальника милиции (народного ополчения) и жандармерии. Из этих шести директоров при генерал-губернаторе составлялся частный совет. Деятельность правительства контролировал Постоянный комитет Областного собрания [6, с. 371].

Органическим уставом Восточной Румелии устанавливались неприкосновенность частной собственности, свобода ее продажи. Статутом закреплялись буржуазные свободы слова, совести, печати, собраний. Вместе с тем Органический статут Восточной Румелии являлся менее либеральным, чем Тырновская конституция Северного Болгарского княжества. Это выражалось в значительной роли, отводившейся султану в управлении Восточной Румелией, в ограничении народного представительства в Областном собрании (члены по праву и назначению составляли 36 % от общего числа депутатов). Статут вводил в действие довольно жесткое избирательное право. Для участия в выборах устанавливался имущественный ценз, от которого освобождались лишь чиновники и интеллигенция [6, с. 372]. На практике Органический статут был превращен в конституцию Восточной Румелии. Также, статут Восточной Румелии явился компромиссом между европейскими державами и Россией, а также попыткой европейских стран

примиришь Болгарию и Турцию. В июне 1879 г. русские войска и гражданская администрация покинули Болгарию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлинский трактат // Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 159—175; 181—206.
2. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг. Вып. 5. СПб., 1906.
3. Конобеев, В. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов и против решений Берлинского конгресса / В. Конобеев // Освобождение Болгарии от турецкого ига: сб. ст. М., 1953. С. 71—138.
4. Иванов, Н. Спомени 1861—1918. Книга първа / Н. Иванов. София : издателство на министерството на отбраната «Св. Георги Победоносец», 1996.
5. Овсяный, Н. Болгария / Н. Овсяный // История Болгарии. М., 2002. С. 52—53.
6. Органический устав Восточной Румелии // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII—XIX вв. М., 1957. С. 369—370.

SUMMARY

The article gave an account of the tasks and methods of operation of the Russian civil administration in Bulgaria in 1878—1879. Main objective of the Russian-Turkish war of 1877—1878 was liberation of Bulgaria, Thrace and Macedonia from Turkish yoke, as well as advance of Russia towards Constantinople. In 1877 the Russian troops forced crossing over the river Danube, took Shipka and Plevna, while in the Caucasus they have taken Bayazet, Ardagan and sieged Kars. Moreover, the Russian Army crossed the Balkans. The way to Constantinople was free and Turkey applied to Russia for armistice. While peaceful talks were underway, the Russian troops kept advancing towards Constantinople and captured Adrianople. In 1878, Prince Dondukov-Korsakov, head of the provisional Russian administration after the liberation of Bulgaria from the Ottoman rule, endorsed the interim rules for structuring the judicial system of Bulgaria.